

Шибаршина Светлана Викторовна

**"ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ" НАТУРАЛИСТИЧЕСКИХ ГИПОТЕЗ А. ШЛЕЙХЕРА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

В статье рассматривается "внутренняя история" натуралистической концепции языка немецкого лингвиста XIX века А. Шлейхера, соотносившего биологическую эволюцию с лингвистической. Под "внутренней историей" понимаются определенные стандарты научности и культурно-исторические предпосылки той или иной эпохи, а также личностные установки субъекта познания. Показывается, как определенный научный стиль мышления (эволюционизм, компаративизм), философские доктрины (монизм), культурные традиции (органический натурализм, связь языка с природой), эрудиция ученого влияют на характер выдвигаемых гипотез.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/49.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III. С. 210-214. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

есть заблуждение, – ибо на самом деле отдельное существо есть именно *весь процесс* по прямой линии (не просто унаследованный, а именно он сам...), – только тогда можно понять, сколь *неимоверно большое значение* имеет отдельное существо» [Там же, с. 425]. Сверхчеловек, о котором проповедует Заратустра у Ницше, – это не человек *вообще*, а прежде всего отдельный, особенный человек, но именно в нем мир находит себе завершение как «*весь процесс*», как становление и цель в самом себе. Этот человек столь же беспамятен (в понимании памяти у *ressantiment*), сколько воплощает собой память становления мира, принцип вечного возвращения всего совершившегося, всего утвердившегося в качестве воли и преодоления, вот почему сверхчеловек фактически раздваивается, представляя нам всегда своим прошлым и будущим, пророком Заратустрой и его пророчеством о сверхчеловеке: «Теперь я умираю и исчезаю... и через мгновение я буду ничем... Но связь причинности, в которую вплетен я, опять возвратится... Я сам принадлежу к причинам вечного возвращения... я буду вечно возвращаться к той же самой жизни... чтобы опять возвещать людям о сверхчеловеке» [Там же, с. 161].

Список литературы

1. Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 5. 414 с.
2. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
3. Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. I. 829 с.
4. Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.

MEMORY AND GENEALOGY OF SUBJECTIVITY BY F. NIETZSCHE

Shevtsov Konstantin Pavlovich, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University
shvkst@list.ru

The article shows in what way the place of memory in the genesis of subjectivity and morality is determined in Nietzsche philosophy. Nietzsche considers memory as a specifically human achievement, a step to overcome the man's animal nature in the way of will to power, and just this step produces a sovereign subject of morality, who is responsible for his actions. The basis of sovereignty according to Nietzsche is not only a commitment to duty, but also an ability to accept suffering, to take pleasure in suffering, thereby transforming a moral duty into the principle of autonomous desire and satisfaction.

Key words and phrases: memory; historicity; genealogy; conscience; promise; will to power; desire to remember; subject.

УДК 167; 81:13

Философские науки

В статье рассматривается «внутренняя история» натуралистической концепции языка немецкого лингвиста XIX века А. Шлейхера, соотносившего биологическую эволюцию с лингвистической. Под «внутренней историей» понимаются определенные стандарты научности и культурно-исторические предпосылки той или иной эпохи, а также личностные установки субъекта познания. Показывается, как определенный научный стиль мышления (эволюционизм, компаративизм), философские доктрины (монизм), культурные традиции (органический натурализм, связь языка с природой), эрудиция ученого влияют на характер выдвигаемых гипотез.

Ключевые слова и фразы: гипотезы сравнительно-исторического языкознания; априорные установки; натуралистическая концепция языка; эволюция языка; модель родословного дерева; глоттохронология.

Шибаршина Светлана Викторовна

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
svet.shib@gmail.com

**«ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ» НАТУРАЛИСТИЧЕСКИХ ГИПОТЕЗ А. ШЛЕЙХЕРА
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ[©]**

Рассматривая ту или иную гипотезу, всегда полезно изучить ее подоплеку, «внутреннюю историю», прежде чем судить о ней. Помимо стандартов научности, преобладающих в данную эпоху, особую роль играют культурно-исторические предпосылки, влияющие на личностные установки субъекта, что далеко не всегда осознается им самим. Они способны ценностно окрасить предлагаемые им гипотезы и теории, которые, тем не менее, будут казаться вполне совместимыми с фактами. Относительно априорных установок исследователя в области сравнительно-исторического языкознания: отметим, что здесь на протяжении долгого

времени циркулировали различные мифологемы. Хрестоматийный пример из XIX века – представление о санскрите как самом древнем и совершенном из индоевропейских языков, наиболее приближенном к праиндоевропейскому. Длительное изучение фактического материала поколебало мнение о его архаичности, а открытие в начале XX века хеттского и других неизвестных ранее индоевропейских языков заставило ученых окончательно отказаться от подобных взглядов.

Научный миф о санскрите, однако, просуществовал достаточно долго. Г. Хок справедливо, на наш взгляд, объясняет это инерцией человеческого мышления: лингвисты продолжают развивать некую перспективу, заложенную на начальных этапах исследования, без критического осмысления ее основ: соответствуют ли они рациональным, эмпирически оправданным критериям или нет [20, р. 275]. Вполне вероятно, что тенденция возвышения санскрита уходит корнями в определенную культурно-историческую традицию поиска изначального, давно потерянного «божественного» языка [18]. Эта мифологема сыграла, тем не менее, конструктивную роль в развитии индоевропейских исследований. Несколько схожую, по нашему мнению, картину можно наблюдать и в отношении так называемого натуралистического, или биологического направления в лингвистике, основным предшественником которого обычно называют немецкого языковеда Августа Шлейхера (1821-1868). Он считается наиболее крупным ученым, отразившим данный этап в развитии европейской науки [1, с. 76].

XIX век – период научного становления сравнительно-исторического языкознания. Во многом успехи этой дисциплины связаны с заимствованием принципов, концепций, терминов естествознания, что обусловило коренной перелом в понимании природы и сущности языка. Важнейшую роль здесь сыграли два принципа, ставших «программными» во многих научных областях того времени: принцип эволюционизма, утверждающийся в конце XVIII – начале XIX века в астрономии, геологии, физике, химии, биологии, и принцип компаративизма. Лингвистика – не единственная социально-гуманитарная дисциплина, применившая эти общенаучные подходы: подобная тенденция наблюдается также в истории, культурологии, этнографии и т.д. Как отмечает В. Н. Топоров, накопленный прежде всего в естественных науках большой конкретный материал стал основой для первых универсальных классификаций и таксономий, что подразумевало существенную роль эмпирического сравнения фактов и неизбежно приводило к выводу о наличии за внешним разнообразием фактов некоего внутреннего единства, которое требовалось истолковать [12]. Объекты исследования объясняют в терминах развития во времени, осуществляющегося естественным образом по определенным законам. Само развитие при этом рассматривается чаще всего как восходящая линия от простого к сложному и улучшенному и реже – как нисходящая, связанная с деградацией.

Не вдаваясь в подробное описание общеприродного и общенаучного климата эпохи, приведем характерные цитаты из «Компендия сравнительной грамматики индоевропейских языков» (изд. в 1861 г.) А. Шлейхера. Выделяя два периода в «жизни языка» – доисторический (развитие языка) и исторический (распад языковых форм), он утверждает, что «жизнь языка не отличается существенно от жизни всех других живых организмов – растений и животных». При этом к развитию языка он применяет как «период роста от простейших структур к более сложным формам», так и «период старения, в который языки все более и более отдаляются от достигнутой наивысшей степени развития» [13, с. 114]. Шлейхер, однако, не первый лингвист, использующий концепции и термины естествознания. Попытка рассмотрения языков как «органических тел природы» (*organische Naturkörper*), образующихся «по определенным законам» и развивающихся благодаря заключающемуся в них внутреннему жизненному принципу [7], очевидна уже у его предшественника, немецкого языковеда Франца Боппа (1791-1867). В стремлении к объективной разработке языкознания по естественнонаучному образцу как методически точной и содержательно конкретной науки он вводит такие термины, как «организм», «расчленение» и т.д. Метод же лингвистического исследования представляется ему как своего рода «анатомия языка» или даже «физиология». Тем не менее, как отмечает М. Я. Немировский, его натуралистический подход «сводился к довольно свободному употреблению естественнонаучных терминов» [Там же], не будучи принципиально иным по сравнению с классическим филологическим стилем мышления, не склонным к поиску причинных закономерностей.

В отличие от своего предшественника, А. Шлейхер демонстрирует явный натуралистический уклон в своих лингвистических воззрениях. Считая язык созданием природы, а органические, естественные изменения в нем – независимыми от воли человека, он причисляет языкознание к наукам о природе, полагая его метод «совершенно отличным от методов всех исторических наук» и схожим в главном с естественнонаучным. Отсюда задачей лингвистики он видит исследование такой области, где наблюдается действие постоянных, независимых от человеческой воли законов природы [Там же]. Эти мысли в полной мере отразились в его работе «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863). Здесь им утверждается, что положения, применяемые Ч. Дарвином к борьбе за существование видов в растительном и животном царстве, в основных чертах подходят и к языкам, причем «без всякого изменения»: «в области языков <...> неопровержимо происхождение видов путем постепенного разрознения и сохранения более развитых организмов в борьбе за существование» [14, с. 121]. На основании этого принято полагать, что Дарвин оказал значительное влияние на научную деятельность Шлейхера [9, с. 6]. Однако был ли последний простым заимствователем идей?

А. Шлейхер утверждал, что его взгляды о естественном происхождении языка и борьбе языков за выживание сформировались еще до того, как он познакомился с «Происхождением видов путем естественного отбора» [21, р. 31]. Скорее, у Дарвина он находит подтверждение своим самостоятельно выработанным схемам [16, р. 8]. Вообще, в XIX веке нередким является плодотворное сотрудничество между естественными и гуманитарными науками, представленное в разных формах. Это может быть деятельность отдельного

ученого-эрудита, чьи исследования в различных областях позволяют проводить междисциплинарные аналогии. Также имеет место взаимовлияние между концепциями представителей различных наук. Известна, в частности, дружба Шлейхера с естествоиспытателем Эрнстом Геккелем, порекомендовавшим ему в 1863 г. к прочтению упомянутую работу Дарвина. При этом сам Шлейхер был не только языковедом, но и «натуралистом по призванию», «страстным любителем ботаники» [7], что, несомненно, способствовало проведению смелых аналогий из области природы в область языка.

Между тем натуралистическая концепция языка А. Шлейхера уже в то время стала предметом острой критики. Как отмечает Р. Ричардс, его обвиняли в перенесении дарвинизма в область лингвистики, в вульгарном упрощении духовного измерения языка, сведении его к неодушевленному скоплению атомов в пустоте [21, р. 34]. На самом деле, Шлейхер, по мнению Р. Ричардса, стремился возвысить природное до духовного, находясь под влиянием немецкой философии идеализма, а также немецкого романтизма. Примечательно, что сам Шлейхер в качестве метафизического основания своей концепции называет доктрину монизма. В работе «Теория Дарвина в применении к науке о языке» он утверждает, что для естественнонаучной точки зрения не существует материи без духа (то есть силы, обуславливающей, движущей материи), как и духа без материи. Более того, «нет ни духа, ни материи в обычном смысле этих слов» – «существует нечто, являющееся и тем, и другим одновременно» [Ibidem, р. 30]. Подобный органический натурализм уходит корнями в немецкий романтизм, отрицающий механистическую интерпретацию природы и развивающий концепцию организма как основного принципа, через который должны быть поняты человеческий ум (дух) и феномены природы.

В данном контексте примечательны взгляды немецкого естествоиспытателя и путешественника Александра фон Гумбольдта, считавшего механистическое понимание недостаточным для объяснения тайн природы, лишенным «цельного естественного взгляда на вещи» [4, с. 178]. Увлечшись популярной в то время теорией «жизненной силы», которую он считал особой «внутренней» силой, он, не доверяя метафизическим спекуляциям, решил проверить это положение на практике. Однако результаты проведенных опытов убедили Гумбольдта в ошибочности подобных представлений: он пришел к выводу о том, что речь, скорее, следует вести не о некоей силе, а об особом типе связей, имеющих материальную природу [Там же, с. 179]. По нашему мнению, попытка Шлейхера рассмотреть язык как естественный живой организм близка тому самому «цельному естественному взгляду на вещи», пусть и не лишенному противоречий и крайностей.

Тем не менее, натуралистическое понимание языка не нашло всеобщего признания, в отличие, однако, от знаменитой шлейхеровской модели «родословного древа» (Stammbaum) для демонстрации родственных связей языков. Предложенная им классификация напоминала ботаническую таксономию: устанавливались группы родственных языков, затем они располагались на генеалогическом древе, в котором общий ствол изображал «первичный организм» праязыка, в процессе развития разделившийся на большие ветви, которые, в свою очередь, делились на более мелкие ответвления. Так, «все языки, происходящие из одного праязыка, образуют языковой род, или языковое дерево, которое затем делится на языковые семьи, или языковые ветви» [13, с. 109]. Почему Шлейхер выбрал именно такой способ представления развития языков? На наш взгляд, здесь сыграл свою роль определенный стиль мышления, свойственный его эпохе. Дело в том, что древовидные модели в то время были весьма распространены и использовались как учеными, так и философами. Согласно Н. Гонтьер, исторически они восходят к более ранним древовидным схемам, нацеленным на описание подлинной онтологической структуры мира в виде природного и/или божественного порядка. Соединившись с «генеалогическим мышлением» (pedigree thinking), они приобретают в XIX веке эволюционную окраску [13].

Концепция родословного древа является не единственным способом описания развития языков. Во второй половине XIX века было предложено альтернативное решение, получившее название «волновой» теории Шмидта-Шухарда. В ней утверждается идея о постепенных, незаметных переходах между не имеющими четких границ диалектами праязыка. Эти переходы распространяются концентрическими кругами, «волнами», которые по мере удаления от центров возникновения языковых инноваций постепенно затухают, становятся слабее. Обе модели получают дальнейшее развитие, однако более продуктивным считается родословное древо Шлейхера, которое с необходимыми модификациями и уточнениями становится рабочим инструментом компаративистики. Как заметил С. А. Старостин, лишь в рамках этой концепции имеет смысл признаваемый в настоящее время путь доказательства генетического родства языков, включающий установление большого числа схождений и демонстрацию регулярного характера их фонетических соотношений, а также обнаружение морфологических параллелей [10, с. 410].

Примечательно, что, несмотря на то, что натуралистический подход к языку не стал общепризнанным, его влияние в сравнительно-историческом языкознании очевидно. В частности, свое отражение находят здесь такие биологические термины, как гомология, архетип (гипотетический общий предок группы). В лингвистике аналогичным гомологии становится понятие когнатов (родственных языков, между которыми наблюдаются регулярные фонетические соответствия) [17, р. 119], в то время как для архетипа, по всей видимости, сопоставимо понятие праязыка. Исходя из определенного набора объектов (языков), эволюционировавших от общего предка, ученые стремятся восстановить ряды расхождений, которые привели объекты к нынешнему состоянию. В биологии данная область получила название кладистики (кладистический анализ основан на учете родственных отношений между живыми организмами). С кладистикой схож метод генетической классификации языков [Ibidem, р. 115]. Даже сама идея реконструкции праязыка соотносится с реконструкцией общего предка для тех или иных видов или органов в биологии по имеющимся и доступным для изучения видам.

Из естественнонаучной области «заимствован» и гипотетический метод сравнительно-исторического языкознания для датировки доисторических разделений внутри праязыковых единств. Речь идет о глоттохронологии, направленной на определение относительного или абсолютного времени расхождения двух или нескольких языков [5]. Она была предложена американским лингвистом и антропологом Моррисом Сводешом в 1950-е гг. как попытка аналогии с радиоуглеродным методом измерения возраста органических веществ – в лингвистике же предлагается оценивать «лексический полураспад». В основе метода лежит мысль о том, что, опираясь на закономерности морфемного распада в языках, можно определить так называемую глубину «залегания» соответствующих им праязыков подобно тому, как геология, анализируя содержание продуктов распада в различных породах, определяет их возраст [2].

С момента своего появления глоттохронологический метод претерпел множество изменений и уточнений, в том числе в некоторых своих основных положениях. Например, попытки его применения к различным языкам выявили множество противоречий, в результате чего подверглось сомнению положение Сводеша о постоянной скорости изменения основного списка во всех языках. Как отметил С. А. Старостин, слова в отличие от нейтронов «стареют», у них есть определенный «срок жизни» [10, с. 416, 423]. Не углубляясь в дальнейшие уточнения глоттохронологического метода, предпринимаемые лингвистами, мы можем констатировать, что при всей существующей в его адрес критике он продолжает оставаться рабочим инструментом в руках компаративистов.

Таким образом, мы видим, что обращение лингвистов к естественнонаучному фонду знаний играет важную роль в развитии сравнительно-исторического языкознания. В XX веке аналогичное значение для него приобретает применение математического аппарата и статистических методов, а также информационных технологий. Сегодня эта область лингвистики считается «полноценной научной дисциплиной, оперирующей строго формализованными методами (в том числе компьютерными)» [11, с. 770]. Примечательно, что в настоящее время идея созвучия биологической эволюции языковой вновь напоминает о себе. В ряде работ предпринимаются попытки описания некоторых общих механизмов обоих типов эволюции с помощью одних и тех же методов [22].

Исходя из всего вышесказанного, мы можем констатировать, что рассмотрение подопрелки той или иной гипотезы оказывается весьма плодотворной в плане нахождения «корней», из которых она «произрастает». В случае А. Шлейхера, как нам удалось выявить, подобными «корнями» стал целый комплекс предпосылок. Помимо основательной филологической подготовки и собственных лингвистических исследований, он черпал вдохновение в занятиях ботаникой, что естественным образом могло повлиять на аналогии между живыми организмами и языками, которые он проводил. С другой стороны, он находился под влиянием философской доктрины монизма и немецкого романтизма.

Список литературы

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
2. Бабак А. В. Глоттохронологический метод М. Сводеша [Электронный ресурс] // Східнослов'янська філологія. 2009. Вип. 16. Мовознавство. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Sfil/Mova/2009_16/st_18.pdf (дата обращения: 02.10.2013).
3. Балута А. А. Формирование глагольных имен в древних языках в аспекте особенностей человеческого мышления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 30-33.
4. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. 2-е изд. М.: Рольф, 2001. 416 с.
5. Дьячок М. Т. Глоттохронология: пятьдесят лет спустя [Электронный ресурс] // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск. 2002. № 1. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/dyachok-02b.htm> (дата обращения: 02.10.2013).
6. Кравченко А. В. Биологическая реальность языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/2602848/> (дата обращения: 30.08.2013).
7. Немировский М. Я. Язык и культура, к увязке лингвистики с общественными науками (посвящается академику Н. Я. Марру к сорокалетию его научной деятельности) [Электронный ресурс] // Известия горского педагогического института. Владикавказ, 1928. Т. 5. С. 109-154. URL: http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/Nemirovskij28.html#_ftnref22 (дата обращения: 04.10.2013).
8. Нерознак В. П. Праязык: реконструкт или реальность? [Электронный ресурс] // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 26-43. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/neroznak-88.htm> (дата обращения: 02.10.2013).
9. Рахимбидиева И. М. Современная интерпретация понятия звукового закона в германистике: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пятигорск, 2011. 26 с.
10. Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 407-447.
11. Старостин С. А. Сравнительное языкознание и этимологические базы данных // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 770-778.
12. Топоров В. Н. Сравнительно-историческое языкознание [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 486-490. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/toporov-90.htm> (дата обращения: 02.10.2013).
13. Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях / сост. В. А. Звегинцев. Изд-е 3-е. М.: Просвещение, 1964. Ч. I. С. 107-116.
14. Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке: публичное послание доктору Эрнсту Геккелю, э. о. профессору зоологии и директору зоологического музея при йенском университете (извлечения) // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях / сост. В. А. Звегинцев. Изд-е 3-е. М.: Просвещение, 1964. Ч. I. С. 116-121.
15. Шохин В. К. Ф. И. Щербатской и его компаративистская философия. М.: ИФ РАН, 1998. 249 с.

16. **Dorries M.** Language as a Tool in the Sciences // Experimenting in Tongues: Studies in Science and Language / ed. M. Doerres. Stanford, 2002. P. 1-20.
17. **Fleischhauer J.** A Phylogenetic Interpretation of the Comparative Method // Journal of Language Relationship / Вопросы языкового родства. 2009. № 2. P. 115-138.
18. **Fournet A.** A Historical and Cultural Sketch of the Concept of Proto-Language // The Macro-Comparative Journal. Thematic Issue. 2011. № 1. URL: http://diachronica.pagesperso-orange.fr/TMCJ_Them_1_Prot-Language.pdf (дата обращения: 30.08.2013).
19. **Gontier N.** Depicting the Tree of Life: the Philosophical and Historical Roots of Evolutionary Tree Diagrams [Электронный ресурс] // Evolution, Education and Outreach. 2011. № 4 (3). P. 515-538. URL: http://www.academia.edu/848594/Depicting_the_Tree_of_Life_the_Philosophical_and_Historical_Roots_of_Evolutionary_Tree_Diagrams (дата обращения: 15.10.2013).
20. **Hock H. H.** Privileged Languages and Others in the History of Historical-Comparative Linguistics // History of Linguistics: selected papers from the Tenth International Conference on the History of the Language Sciences (1-5 September 2005, Urbana-Champaign, Illinois). Amsterdam – Philadelphia, 2007. P. 274-287.
21. **Richards R. J.** The Linguistic Creation of Man: Charles Darwin, August Schleicher, Ernst Haeckel, and the Missing Link in Nineteenth-Century Evolutionary Theory // Experimenting in Tongues: Studies in Science and Language / ed. M. Doerres. Stanford, 2002. P. 21-175.
22. **Wedel A.** Exemplar Models, Evolution and Language Change // The Linguistic Review. 2006. Vol. 23. P. 247-274.

“INNER HISTORY” OF A. SCHLEICHER NATURALISTIC HYPOTHESES AND THEIR MEANING FOR COMPARATIVE-HISTORICAL LINGUISTICS

Shibarshina Svetlana Viktorovna

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University
svet.shib@gmail.com*

The “inner” history of the language naturalistic conception of the German linguist of the XIXth century A. Schleicher is considered in the article, who correlated biological evolution with linguistic one. “Inner history” is understood as certain standards of scientific character and the cultural-historical premises of this or that epoch, and also as the personality guidelines of the cognition subject. It is shown how certain scientific style of thinking (evolutionism, comparativism), philosophical doctrines (monism), cultural traditions (organic naturalism, language and nature connection), the scientist’s erudition influence hypotheses character that are put forward.

Key words and phrases: hypotheses of comparative-historical linguistics; a priori guidelines; naturalistic conception of language; language evolution; genealogical tree model; glottochronology.

УДК 32.019.5; 323.2

Политология

В статье раскрыто общественно-политическое значение представлений о справедливости: стабилизация общественных отношений и определение вектора социальных преобразований. Предложены и описаны механизмы формирования государством коллективных представлений о справедливости. Сделан вывод о том, что общественные представления о справедливости, соответствующие транслируемым государством, снижают конфликтность в отношениях государства и общества, усиливают легитимность действующей власти.

Ключевые слова и фразы: справедливость; представления о справедливости; государство; государственный аппарат; механизмы.

Шушпанов Сергей Сергеевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы (филиал) в г. Волгограде
sergeyvolg@mail.ru*

ГОСУДАРСТВО И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СПРАВЕДЛИВОСТИ[©]

Теория справедливости, являясь составной частью социальной философии и этики, неизбежно выдвигается в качестве основания концепций социально-экономических преобразований и политических реформ. Однако роль представлений о справедливости в политическом процессе остается еще не раскрытой. Нетрудно предположить, что, как и любая другая морально насыщенная и трепетно хранимая идея, идея справедливости, берущая свое начало в древнегреческой философии и последовательно развиваемая до наших дней, раскрывается в своей полноте и как принцип общественной жизни, и как общественный Идеал. Идея достижения (восстановления) справедливости разжигает нешуточный огонь в индивидуальном и коллективном сознании и выступает катализатором действий личности, коллектива, класса, этнической группы. Тем самым становится возможным принятие и реализация политических решений, ведущих к изменению или

[©] Шушпанов С. С., 2013